



Obelisk as a symbol in *Emblematum liber* by Jean-Jacques Boissard

E. S. Danilov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-606-613

Conference paper
Full text in Russian

The article represents an attempt to find a place of obelisks in the symbolic system of European emblems in the 16th century. Based on *Emblematum liber* written by the French antiquarian Jean-Jacques Boissard, the author concludes that the obelisk was a visible marker of the pagan world. At the same time, in the context of Christian morals, it implied the ephemerality of material wealth, the destructive effect of vice and the imminence of death.

Keywords: obelisk; emblem studies; symbol; Boissard

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Danilov, Evgeniy S.	E-mail: explorator@list.ru
	Cand. Sc. (History), Associate Professor

The article was written on the basis of a report presented at the All-Russian Scientific Conference "My France: to the anniversary of the professor, doctor of historical sciences Galina Nikolaevna Kaninskaya" (P. G. Demidov Yaroslavl State University, 28 March, 2025)

© Yaroslavl State University, 2025

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



Символика обелиска в книге эмблем Жан-Жака Буассара

Е. С. Данилов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-606-613
УДК 7.045+94(3)

Материалы конференции
Полный текст на русском языке

В статье осуществляется попытка проследить место обелиска в символической системе европейской эмблематики XVI в. На основе «*Emblematum liber*» французского антиквара Жан-Жака Буассара делается вывод, что обелиск являлся зримым маркером языческого мира. При этом в контексте христианской морали он подразумевал призрачность материальных благ, разрушительное действие пороков и неизбежность смерти.

Ключевые слова: обелиск; эмблематика; символ; Буассар

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилов, Евгений Сергеевич		E-mail: explorator@list.ru
		Кандидат исторических наук, доцент

В современной массовой культуре существует околонучное понятие «иглы Клеопатры». Так называется ряд древнеегипетских обелисков, вывезенных в разное время в страны Европы. В первую очередь это наименование применимо к тем дипломатическим подаркам, которые в XIX в. оказались на территории Франции, Великобритании и США.

В течение полувека между 1831 и 1881 гг. три огромных обелиска покинули Египет и отправились в дальние земли. Римские императоры переместили более дюжины подобных объектов, но не оставили никаких записей о том, как они это сделали. Инженерам XIX в., которым было поручено перевозить обелиски, пришлось изобретать методы транспортировки. Пока три обелиска, направлявшиеся в Париж, Лондон и Нью-Йорк, плыли

Статья написана на основе доклада, представленного на Всероссийской научной конференции «Моя Франция: к юбилею профессора, доктора исторических наук Галины Николаевны Канинской» (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 28 марта 2025 г.)

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

к своим новым пристанищам, газеты ежедневно сообщали о перемещении каменных гигантов [1].

Как в Новое время, так и в Средневековье, ученые мужи не имели чёткого представления о предназначении обелисков. Наука XXI в. оперирует всё теми же устаревшими взглядами, рассматривая, в частности, интересующие нас сооружения как элементы солярного культа (Plin. N.H. XIV. 64). До настоящего времени не находит убедительного объяснения обычай установки парных обелисков перед входными пилонами храмов. Загадок и вопросов больше чем ответов. Но весь комплекс проблем, связанных с обелисками, стал достоянием научной мысли не в индустриальную эпоху, а гораздо раньше. Соответственно, возникали попытки найти объяснение функций древних монументов. Каждый писатель, берущий на себя подобную задачу, зачастую примерял к обелискам собственный символический смысл, что естественно являлось отражением его мировоззрения.

Обелиск становился частью европейской культуры постепенно [2, с. 137–142]. Антонио Пизанелло (1395–1455) поместил изображение обелиска на медали 1438 г. в честь Иоанна VIII Палеолога. Флавио Бьондо (1392–1463) уделил особое внимание римским обелискам, приводя выдержки из трудов античных авторов [3, с. 143–147, 217–218]. На понтификат Пия II (1458–1464) приходится первая попытка привести в порядок античные обелиски в Риме [4]. Донато Браманте (1444–1514) для украшения виллы Бельведер придумал поместить на фризе наружного фасада трёхчастный ребус, в котором обелиск напоминал о Circus Maximus, самом большом ипподроме древнего Рима [5, с. 484]. От граверов позднего Возрождения остались целые серии офортов, посвященных римским обелискам. Их авторы (Бернард Саломон, Натале Бонифаччо, Амброджо Брамбилла) были предтечами Джованни Батиста Пиранези (1720–1778), составившего полную картину античных памятников Вечного города.

Ренессансная Франция, в свою очередь, пронизывалась итальянской культурой [6]. В королевстве помнили о временах римской Галлии и ценили сохранившиеся с тех пор архитектурные шедевры. Так, во Вьене, одном из самых богатых на памятники античности городов Франции, находится остроконечная пирамида, больше похожая на обелиск [7, с. 290, 291, 294].

Особенно распространенным стало обращение к образу обелиска в XVI–XVII вв., на волне популярности книг по эмблематике. Зачинателями этого литературного жанра были итальянцы (Андреа Альчиато, Ахилл Бокки), но широкое распространение сборники аллегорических рисунков с сопровождающими нравственными сентенциями получили также во Франции (Гийом де ла Перьер, Клод Параден). Их ранним прототипом, вероятно, можно считать рукописные творения Пьера Сала (1457–1529), коллекционера и писателя, старшего современника Людовика XII и Франциска I. Религиозная распря между католиками и протестантами, развернувшаяся при последних представителях династии Валуа, способствовала

не только вооруженному противостоянию, но и той идеологической полемике, которая затронула изначально чисто созерцательную сферу эмблематики. Мы остановимся лишь на одном представителе европейской плеяды эмблематистов.

Французский писатель Жан-Жак Буассар (1528–1602) большую часть жизни провёл в путешествиях. Родившись в Безансоне, в семье магистрата, и получив домашнее образование, он продолжил учёбу в Германии и Нидерландах. В Италии у Буассара возник интерес к древностям, антикварным вещам, коллекционированию, он стал делать зарисовки памятников Рима и его окрестностей [8, р. 145–148]. Вернувшись на родину, занимался репетиторством, был странствующим учителем. На закате жизни обосновался в городе Меце. На 80–90-е гг. XVI в. приходится основная масса печатных работ Буассара [9, р. 544–545; 10, р. 135–136]. Это написанные на латинском языке стихи, заметки о поездках, труды об обычаях народов Европы, топографии античного Рима, а также сборники гравюр с портретами героев минувших эпох, турецких султанов, индейских вождей и т. д.

В рамках настоящего очерка мы обратим внимание на книгу, содержащую 42 эмблемы указанного писателя. Рукопись Буассара, опубликованная в 1588 г., вмещает помимо латинского текста и гравюр автора, который являлся к тому же художником, французскую версию юриста Пьера Жоли [11]. В ультракатолической Лотарингии Мец в то время был убежищем для французских протестантов, и эмблемы Буассара порой отражают его реформаторскую веру. В своих вступительных комментариях Пьер Жоли предлагает читателю сначала побороться с *pictura* и, как следствие, с латинским четверостишием и только затем перейти к французской версии. Это дает интересный взгляд на практику чтения, особенно с учетом того, что французский сонет Жоли предшествует пиктуре и помещен на обороте [12].

Каждая эмблема в рассматриваемом издании имеет индивидуальное посвящение друзьям Буассара, как здравствующим, так и скончавшимся на момент издания книги. Многие эмблемы содержат цитаты из древнегреческих классиков, большинство из них – это изречения, которые приписываются комедиографу Менандру (IV–III вв. до н. э.).

Первая интересующая нас эмблема Буассара посвящена Франсуа Малармею, другу и земляку поэта. В центре композиции – обелиск, обвитый виноградной лозой. Он символизирует добрую совесть, которая является хорошей опорой для благочестивого и справедливого человека. Небеса благосклонны к душам, которые, несмотря на все трудности, придерживаются добродетели. Таким образом достигается *securitas perpetua*, вечная безопасность [11, р. 32–33].

Скорее всего, прототипом обелиска Буассара явился ватиканский обелиск египетского происхождения, доставленный в Рим при Калигуле (Plin. N.H. XV. 74). Он был перемещён по указанию Сикста V летом 1586 г.

под руководством архитектора Доменико Фонтаны. При этом вместо сферы на вершину обелиска водрузили бронзовый крест. На гравюре Буассара крест не виден. Возможно, это связано с тем, что автор изобразил его таким, каким видел во время своего путешествия по Италии и посещения Рима, состоявшегося ранее 1586 г.

В книге нидерландского учёного Адриана де Йонге (1511–1575) вытянутую египетскую пирамиду, похожую на обелиск, обвивает плущ. «Богатство правителей – опора для народа» – гласит инскрипция. Как и в вышеозначенной эмблеме Буассара, каменное сооружение на пиктуре де Йонге выступает в качестве символа поддержки, защиты и безопасности [13, p. 20, e. XIV].

Следующая эмблема посвящена Якобу Монау (1546–1603), польскому юристу, лингвисту и поэту. Я. Монау был лидером протестантской фракции в Бреслау (совр. Вроцлав). Латинский заголовок (*Impavidum ferient ruinae*) отсылает к оде Горация (III. 3. 8) о честности и стойкости.

В субскрипции говорится о добром человеке, которому ничего не страшно, пока Бог на его стороне [11, p. 34–35]. Соответствующая фраза является отражением строки из Священного Писания: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?» (Римл. 8:31). В качестве возможных бедствий указывается на землю, которая может сотрястись, и падающее небо. Соответственно, рушащиеся обелиски символизируют возможные невзгоды, ломающие всё на своём пути, кроме благочестивого странника. Христиане имеют много скорбей, живя в этом мире, однако не стоит опасаться, поскольку в конечном счете ничто не может повредить им, предопределённым Богом ко спасению. Похожая отсылка к стиху из послания апостола Павла к римлянам была взята на вооружение Клодом Параденом в его «Героических девизах» [14, p. 187].

В эмблематическом сборнике венгерского гуманиста Иоганна Самбука (1531–1584) непадающий, но уже упавший и расколовшийся на две части обелиск имеет неочевидный смысл. Основание обелиска – истина, которая скрыта, поскольку смотрящий обычно видит только вершину. Основание уравнивает вершину, оно суть всего, в нем причина явления. Посыл эмблемы Самбука состоит в том, что не следует ограничиваться внешними признаками, стремясь к познанию истины [15, p. 35]. Характерно, что в данном случае мысль, переданная автором, не носит явно религиозного содержания.

Жоржетта де Монтене (1540–1607), в свою очередь, приводит схожую по сути эмблему. Правда, вместо обелиска и пирамиды, у неё фигурируют колонны. Земная надежда сломлена, небесная же крепка. Кто возлагает свою надежду на Бога, тот не будет посрамлён и низвержен (16, p. 10).

Адресат третьей нашей эмблемы – Гуго Бабет (1474–1556), дядя и наставник Буассара. Бабет был другом Беата Ренана и Эразма Роттердам-

ского. Он служил профессором греческого, латыни и иврита в университетах Гейдельберга и Лёвена.

Какой же смысл скрывается за инскрипцией «Живи, чтобы жить» (*Vive ut vivas*)? Это – мотивационное выражение, которое призывает к осознанной жизни, наполненной смыслом и ценностями. Оно означает, что истинное существование состоит не только в физическом пребывании в мире, но и в активном участии в нем [11, р. 40–41]. По всей видимости, Буассар считал, что обессмертить свое имя можно трудолюбием и стремлением к добродетели, например занимаясь преподаванием и литературным творчеством, как это делал странствующий профессор Бабет. Не колоссы, обелиски и триумфальные арки по-настоящему увековечивают имя человека, а лишь его славные дела.

Четвертая эмблема называется «Вечная любовь» [11, р. 74–75]. Она посвящена поэтессе Фульвии Лаэте, с которой Буассар познакомился в Падуге. Данная композиция прославляет любовь жен к своим мужьям, длящуюся и после смерти. На пиктуре запечатлены два символа верности и скорби в античном мире. Артемисия, построившая мавзолей для супруга, и Лукреция, покончившая с собой после изнасилования Секстом Тарквинием. Одна готовится выпить разведенный в воде прах спутника жизни, другая – пронзает себя ножом. Буассар помещает два обелиска на самую вершину Галикарнасского мавзолея, на одном уровне с колесницей, чего на самом деле не было. Должны ли были обелиски символизировать знаменитых женщин либо Мавсола и Артемисию, неизвестно. В любом случае, реальная гробница карийского правителя, скорее всего, такие архитектурные элементы не имела [17].

В античности обелиски не употреблялись в качестве погребальных символов. Говард Колвин приводит примеры, свидетельствующие о том, что именно начиная с XVI в. обелиск начинает превращаться в массовый тип надгробия [18, р. 307, 341]. Этот процесс примет завершённый характер в XVIII столетии [4]. Иными словами, помещая обелиски на мавзолей, Буассар допускает анахронизм, транслирует в глубь веков модное для его эпохи поветрие.

Пятая эмблема имеет следующее название, похожее на предостережение: «Власть, лишённая совета, рушится под собственной тяжестью» [11, р. 80–81]. Каменная масса, не скреплённая цементом, падает. Мотив использования цемента напоминает стихи из книги пророка Иезекииля (13:10–16), где Бог разрушает стену, обмазанную «незакаленным раствором» (отождествляемую с лжепророками), и притчу о доме, построенном на песке, который был также разрушен, в Евангелии от Матфея (7:24–27). Обелиск – это метафора власти или могущества, которое возрастает, но со временем ослабевает, как влияние греков и римлян. *Vis consilii expers moleruit sua* (Сила, лишённая разума, гибнет сама собой) – фраза, заимствованная автором из оды Горация о мудром совете и милосердии (III. 4. 65).

Адресат эмблемы – Иоганн Пост (1537–1597), врач и неолатинский поэт из Гермесхайма. Буассар посвятил ему ещё две эмблемы (№ 16 и 26) в издании 1593 г. [19, р. 32–33, 52–53]. Возможно, именно он изображен на пиктуре в виде мудреца.

Во французской книжной традиции рельефно проявляется религиозное понимание эмблемы. Буассар, влюбленный в античную культуру, политический лозунг *securitas perpetua*, активно используемый на монетной чеканке римскими императорами, насыщает исключительно христианским содержанием.

Нам представляется, что Буассар был одним из тех, кто популяризировал образ обелиска в европейской эмблематике XVI в., ввёл его на постоянной основе в символическую систему Ренессанса. Благодаря французскому гуманисту обелиск становится не просто элементом художественного фона, антикизированного пейзажа, а центральным символом эмблематической композиции. Настоящий же расцвет традиции изображения обелиска именно в сборниках эмблем приходится на XVII столетие.

Обелиски – это признаки зыбкого благополучия, надвигающихся опасностей. Если присмотреться к двум позднейшим прижизненным изданиям книги Буассара, появившимся во Франкфурте (1593 г.) и снова в Меце (1595 г.), то окажется, что они сформированы в том же ключе [19; 20]. Несмотря на незначительное увеличение количества эмблем (с 42 до 51), введение новых персонажей, символов и образов, общая направленность размышлений Буассара неизменна. Обелиск указывает на языческую картину мира, призрачность материальных благ, разрушительное действие пороков и неизбежность смерти.

Ссылки

1. Brier B. *Cleopatra's Needles. The Lost Obelisks of Egypt*. London; New York, 2016. 248 p.
2. Ревзина Ю. Е. «Экзотизмы» в архитектурной мысли итальянского Возрождения: Восток, Афины, Константинополь и готика // Искусствознание. 2022. № 1. С. 132-155. EDN YUFSCK
3. Флавио Бьондо из Форли. Воссозданный Рим в трех книгах // Воссозданный Рим / пер. и ком. И. В. Кувшинская. М., 2020. С. 109-291.
4. Ревзин Г. И. О смысле обелиска // Художественный журнал. 1996. № 13. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/68/article/1458>.
5. Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: Полное издание в одном томе / пер. А. Г. Габричевского и А. И. Венедиктова. М., 2008. 1278 с. EDN QRFSYT
6. Cooper R. *Roman Antiquities in Renaissance France, 1515-1565*. Farnham, Surrey, 2013. 450 p.

7. Демидова М. А. «Своя» и «чужая» античность в искусстве французского Возрождения // Искусствознание. 2012. № 1-2. С. 289-305. EDN PCXGWB
8. McGowan M. The vision of Rome in late Renaissance France. New Haven, 2000. 476 p.
9. Hülsen C. K. F. Un nouveau recueil manuscrit de Jean-Jacques Boissard // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 49^e année. 1905. № 5. P. 544-555.
10. Antón B. Emblemas-florilegios sobre la amistad en el Emblematum Liber (1593) de Jean Jacques Boissard // Euphrosyne. Vol. XLII. 2014. P. 135-154.
11. Boissard J. J. Emblematum liber. Metz, 1588. 93 p.
12. Boissard, Jean Jacques: Emblemes latins... (1588). URL: <https://www.emblems.arts.gla.ac.uk/french/books.php?id=FBOa>.
13. Junius H. Emblemata. Antwerpen, 1565. 152 p.
14. Paradin C. Devises heroïques. Lyon, 1557. 261 p.
15. Sambucus J. Emblemata. Antwerpen, 1564. 240 p.
16. Montenay G. de. Emblemes ou devises chestiennes. Lyons, 1571. 116 p.
17. Rolet A. Le Mausolée d'Halicarnasse dans un emblème de Jean-Jacques Boissard: un monument de l'imagination? // Architectures fictives. Représenter l'architecture: pratiques littéraires et artistiques des époques moderne et contemporaine / G. H. de la Portbarré-Viard, R. Renaud (dir.). Pessac, 2021. P. 65-95.
18. Colvin H. Architecture and the After-Life. New Haven, Conn. and London, 1991. 418 p.
19. Boissard J. J. Emblematum liber. Frankfurt, 1593. 103 p.
20. Boissard J. J. Emblemes [...] nouvellement mis de latin en françois par Pierre Joly. Metz, 1595. 119 p.